DOI: 10.53737/2713-2021.2026.22.97.003

А.Д. Искандерова, Алисон Беттс, Чен Сяолу, А.Ж. Торениязов

АКШАХАН-КАЛА: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА*

Результаты археологических раскопок городища Акшахан-кала, проведённых в 2023—2024 гг., позволяют по-новому рассмотреть хронологию и этапы существования памятника с перерывами в его заселении. Городище Акшахан-кала представляет собой крупный археологический комплекс — возможно это столица Древнего Хорезма, расположенная на правобережье Амударьи, в районе Южного Приаралья. С 1995 г. на памятнике систематически ведутся археологические исследования. В ходе последних полевых сезонов были изучены фортификационные сооружения, церемониальный комплекс и так называемая «цитадель». Полученные материалы существенно дополняют сведения о планировке и функциях отдельных объектов Акшахан-калы. Новые данные свидетельствуют о наличии вокруг Церемониального комплекса пристроек и жилых помещений. Особый интерес представляют конструктивные особенности ворот Верхнего города, включавшие входной и выходной пандусы — редкий для Хорезма фортификационный приём. Объект, условно именуемый «цитаделью», был возведён в раннесредневековый период и выполнял оборонительную функцию. Раскрытые внутри неё помещения по характеру обнаруженных находок могут быть интерпретированы как хозяйственные. Совокупность полученных данных позволяет утверждать, что после запустения городища в позднеантичное время оно было вновь заселено спустя несколько столетий, главным образом в юго-восточной части, где крепостные стены сохранились в хорошем состоянии.

Ключевые слова: археология, Древний Хорезм, античность, раннее средневековье, городище Акшахан-кала, фортификация, предвратные сооружения, укрепление, помещения, керамика.

Сведения об авторах: Искандерова Айсулу Джапбарбергеновна[1], кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самаркандский Институт археологии; Алисон Беттс[2], доктор, профессор, Сиднейский университет; Чен Сяолу[3], PhD, профессор, кафедра археологии и музейного дела исторического факультета, Китайский университет Женьминь; Торениязов Азизхан Жиенбаевич[4], PhD, Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан.

Контактная информация: [1]140151, Узбекистан, г. Самарканд, ул. В. Абдуллаева, 3; [2]NSW 2006. Австралия, г. Сидней, Комната № 710, здание Бреннана Макаллума, A18; [3]100872, Китай, г. Пекин, ул. Чжунгуаньцунь, 59; [4]230100, Узбекистан, Каракалпакстан, г. Нукус, ул. Амира Темура, 179A; e-mail: [1]aysulu.iskander@gmail.com; [2]alison.betts@sydney.edu.au; [3]chenxiaolu1983@126.com; [4]azizkhan.86@mail.ru.

Aysulu Iskanderova, Alison Betts, Chen Xiaolu, Azizkhan Toreniyazov

AKCHAKHAN-KALA: A HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL STUDY OF AN ANCIENT SETTLEMENT

The results of archaeological excavations conducted at Akchakhan-kala in 2023–2024 provide new insights into the chronology and phases of occupation of the site, including periods of abandonment. Akchakhan-kala is a large archaeological complex, possibly the capital of Ancient Khorezm, located on the right bank of the Amu Darya River in the southern Aral Sea region. Systematic archaeological investigations have been conducted at the site since 1995. During the most recent field seasons, fortifications, the Ceremonial Complex, and the so-called “citadel” were investigated. The findings significantly expand our understanding of the layout and functions of individual structures at Akchakhan-kala. New evidence indicates the presence of annexes and residential rooms surrounding the Ceremonial Complex. Of particular interest are the structural features of the gates of the Upper City, which included entrance and exit ramps, a

* Статья поступила в номер 24 февраля 2026 г.
Принята к печати 8 апреля 2026 г.

© А.Д. Искандерова, Алисон Беттс, Чен Сяолу, А.Ж. Торениязов, 2026.

rare feature of fortification architecture in Khorezm. The structure conventionally referred to as the “citadel” was built during the early medieval period and served a defensive function. Based on the nature of the finds, the rooms uncovered within it may be interpreted as having served utility purposes. The combined evidence suggests that, following the abandonment of Akchakhan-kala in late antiquity, the site was reoccupied several centuries later, primarily in its southeastern part, where the defensive walls were well preserved.

Key words: archaeology, Ancient Khorezm, antiquity, early Middle Ages, Akchakhan-kala fortified settlement, fortification, foregate structures, defensive structure, rooms, ceramics.

About the authors: Aysulu Iskanderova[1], Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Samarkand Institute of Archaeology; Alison Betts[2], Doctor, Professor, University of Sydney; Chen Xiaolu[3], PhD, Professor, Department of Archaeology and Museum Studies, Renmin University of China; Azizkhan Toreniyazov[4], PhD, Karakalpak Research Institute for the Humanities of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

Contact information: [1]140151, Uzbekistan, Samarkand, 3, V. Abdullayev st.; [2]NSW 2006, Australia, Sydney, room No 710, Brennan MacCallum Building A18; [3]100872 China, Beijing, 59 Zhongguancun St.; [4]230100 Uzbekistan, Karakalpakstan, Nukus, 179A Amir Temur St.; e-mail: [1]aysulu.iskander@gmail.com; [2]alison.betts@sydney.edu.au; [3]chenxiaolu1983@126.com; [4]azizkhan.86@mail.ru.

Введение

Ранее опубликованные исследования, посвящённые фортификации и материальной культуре городища Акшахан-кала, особенно настенной живописи, одной из древнейших в Центральной Азии, открыли перед исследователями новые возможности для осмысления духовной и материальной культуры античного Хорезма. Указанные исследования существенно расширили научные знания о формировании градостроительных традиций и художественной культуры региона, а также создали надёжную основу для последующего изучения уникального памятника, на протяжении столетий находившегося под толщей подвижных песков. Акшахан-кала, одно из крупнейших и наиболее значимых городищ Древнего Хорезма, расположен в Берунийском районе Республики Каракалпакстан (рис. 1). В местной топонимии памятник известен как Казаклы-Яткан-кала. Первое упоминание о нём встречается в работе русского почвоведа Н.А. Димо, где городище обозначено под названием «Акча» (Димо и др. 1913: 48). Согласно местным преданиям, основание города связывается с именем легендарного царя Акшахана (Ходжаниязов и др. 2001: 175). Современное название «Казаклы-Яткан-кала» имеет особую, трагическую этимологию: оно восходит к событиям 1930-х годов, когда в разгар голода в Казахстане сюда прибыли многочисленные беженцы. Многие из них не добрались до мест проживания, найдя последний приют на валах древнего городища. Их потомки и в настоящее время проживают на данной территории, сохраняя историческую память о судьбах своих предков и о древнем городе, который в период тяжёлых исторических потрясений стал местом последнего упокоения погибших.

Памятник был открыт в 1956 г. археолого-топографическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. С.П. Толстов отнёс Акшахан-калу к кушано-афригидскому периоду, отметив при этом наличие и кушанского археологического материала (Андрианов 1969: 135). В 1982 и 1985 гг. Южно-Каракалпакским археологическим отрядом Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева были проведены рекогносцировочные исследования, в ходе которых осуществлены зачистки крепостных стен, башен и протейхизмы, заложен шурф и вскрыта внешняя стена. На основании немногочисленных керамических находок время сооружения памятника было отнесено к IV—III вв. до н.э. (Ходжаниязов 1995: 11).

Археологический комплекс Акшахан-калы и прилегающие к нему территории представляют собой сложную систему, включающую собственно городище, внешнюю стену, древний канал и археологические объекты к северу от памятника (рис. 2) (Ягодин и др. 1996). Эта структура отражает высокий уровень организации древнего градостроительства и сложную социально-политическую и ритуальную жизнь города.

Стационарные исследования Акшахан-калы проводились Каракалпакско-Австралийской археологической экспедицией в течение почти трёх десятилетий — с 1995 по 2023 г. Начиная с 2024 г., исследования продолжила Каракалпакско-Китайская археологическая экспедиция, развивающая и углубляющая результаты предшествующих этапов.

Планировочная структура городища, включающая Верхний и Нижний города, образует единую оборонительную систему (рис. 2). Общая площадь памятника составляет около 56 га (Helms et al. 2001), что делает Акшахан-калу крупнейшим укреплённым центром правобережного Хорезма. Сегодня значительная часть территории скрыта под песчаными барханами, однако отдельные элементы фортификации, особенно угловая башня, сохранились до уровня второго яруса.

На территории Верхнего города выделяются три основных объекта: центральный монумент, церемониальный комплекс и «цитадель» (Ягодин и др. 1996; Ходжаниязов и др. 2018: 89). Согласно новейшим интерпретациям, объект, ранее определявшийся как «мавзолей» (Helms et al. 2001: 123), был переосмыслен и идентифицирован как центральный монумент (Minardi 2015: 136—138).

В то же время объект «цитадель» на протяжении многих лет оставался вне систематических археологических исследований. Фортификационные сооружения городища Акшахан-кала, напротив, относятся к числу наиболее изученных элементов памятника, что обусловлено длительными целенаправленными исследованиями.

Фортификационная система Акшахан-калы отличается многоуровневой системой и свидетельствует о высоком уровне инженерно-конструкторского подхода древних строителей. Она включает внешнюю стену, городской ров, барьерную стену (протейхизму) и главную крепостную стену с башнями и предвратными лабиринтами. В аспекте сохранности и укреплённости оборонительных строений Акшахан-кала занимает одно из ведущих мест среди памятников Древнего Хорезма. Длительные археологические раскопки позволили не только подробно реконструировать систему укреплений, но и выявить уникальные особенности её архитектурного строительства, отражающие оборонительные функции города (Ходжаниязов 2013).

Материалы и методы

Методика исследований

Изучение памятника осуществлялось по традиционной для археологической науки методике, сочетающей полевые и лабораторно-аналитические исследования. Раскопочные участки были разбиты на квадраты размерами 3 × 3 и 4 × 4 м. Работы велись по классической системе исследования поселений, возведённых из сырцовых строительных материалов.

Перед началом раскопок территория была очищена от надувного песка, после чего производилась поэтапная расчистка исследуемой площади. Углубление осуществлялось последовательно, на штык лопаты, при этом все находки фиксировались строго по стратиграфическим слоям. Земляной материал просматривался вручную непосредственно на месте. Выемка грунта производилась срезом «на косой штык».

Высотные отметки конструкций, сооружений и находок определялись с использованием электронного тахеометра. Фиксация культурных остатков, архитектурных объектов, прослоек, горизонтов и слоёв стратиграфической шкалы городища осуществлялась графическим методом — на планах и разрезах в масштабе 1 : 20, а также с применением фотофиксации и составлением ортофотопланов.

Каждому стратиграфическому слою присваивался порядковый номер (от 000 и далее). Все материалы, обнаруженные в раскопе, документировались с указанием соответствующих номеров стратиграфических слоёв.

Описание материала

В 2023—2024 гг. археологические раскопки проведены на нескольких участках памятника: у юго-восточных ворот Верхнего города (раскоп 09), в пределах церемониального комплекса (раскоп 10), на объекте, условно обозначаемом как «цитадель» (раскоп 11), а также на участке крепостной стены Верхнего города (раскоп 12). Археологические исследования на юго-восточных воротах городища Акшахан-кала, проведённые в 2023 г., стали логическим продолжением полевых работ 2018—2019 гг. (Искандерова и др. 2024). В ходе раскопок была заложена траншея, охватившая внутреннее пространство и проход предвратного лабиринта. Работы на раскопе 09 позволили уточнить и дополнить ранее выдвинутые гипотезы, предоставив новые данные о структуре и хронологии комплекса.

В процессе изучения выявлены два строительных горизонта, различающихся по времени и технике устройства полов. Поздний пол, обнаруженный на отметке −660 см[1] от реперной точки, установленной на вершине предвратной башни, представлял собой утрамбованный слой комковатой глины толщиной 15—30 см. Поверхность пола, судя по высотным отметкам в квадратах E (внутреннее пространство лабиринта) и C (район прохода), имела плавный уклон в сторону прохода. Фрагменты керамики из вышележащих слоёв датируются первыми веками н.э.

На отметке -680 см в квадрате E зафиксирован южный борт пандуса, выполненный в виде кирпичной кладки шириной в два кирпича и длиной около десяти кирпичей. Сохранность кладки неудовлетворительная, однако её продолжение прослеживается в квадрате C на отметке -738 см, что свидетельствует о понижении уровня на 58 см. По периметру пандуса отмечен ранний глиняный пол толщиной 20—30 см, аналогичный по составу и структуре полу в проходе лабиринта. Стратиграфические наблюдения и сопутствующий керамический материал позволяют отнести этот строительный горизонт к III—II вв. до н.э. Сопоставление полученных данных с материалами предыдущих исследований подтвердило существование входного пандуса, по конструкции и функциям аналогичного выходному пандусу Верхнего города (Ходжаниязов и др. 2022: 103; Искандерова и др. 2024: 116—117).

В 2024 г., с целью комплексного изучения фортификационной системы Верхнего города и внутреннего пространства Нижнего города, был заложен новый раскоп 12 в районе угловой башни юго-западной крепостной стены. Траншея ориентировалась по линии север—юг. Результаты показали, что крепостная стена имела двойную конструкцию — внешнюю и внутреннюю, между которыми проходил коридор. С внешней стороны фиксируются протейхизма и ров (рис. 3). Сохранившаяся высота внешней стены составляет 5,5 м, внутренней — 4,75 м; их толщина — 3 и 2,75 м соответственно, при ширине коридора 2,75 м. По характеру кладки можно судить, что внешняя стена подвергалась дополнительному укреплению кирпичом с обеих сторон.

Основание комплекса представляло собой две трапециевидные пахсовые платформы высотой 1,50—1,60 м, шириной 5,5 м (внешняя) и 4,8 м (внутренняя). На выровненной поверхности материка первоначально были уложены три—четыре ряда кирпичей (42—44 × 42—44 × 10—14 см), служивших основанием для пахсовых блоков, перекрытых сырцовой кладкой в 4—6 рядов. Пространство между блоками заполняли кирпичные субструкции в семь—восемь рядов, разделённые песчаными прослойками.

Протейхизма сохранилась на высоту 3,8 м при ширине верхней части 1,0 м и основании 2,5 м. Барьерная стена выполнена с уступом шириной 0,8 м. В основании протейхизмы выявлен слой серовато-жёлтого песка мощностью около 10 см, частично перемешанный с серовато-белыми включениями. В 7 м к югу от стены прослеживается вал, образованный при копке рва; сам ров фиксируется ещё на 2,0 м южнее. Среди немногочисленных находок керамики встречены фрагменты кубуров, аналогичных материалам, обнаруженным ранее

[1] Высотные отметки в раскопе 09 были взяты с репера, расположенного в предвратной башне.

на Акшахан-кале (Торениязов 2018; 2021). Конструктивные особенности укреплений позволяют говорить о преемственности строительных традиций данного периода.

Раскопки Церемониального комплекса, проведённые в 2024 г. на его южной части (раскоп 10, 18×8 м), выявили пристройки, примыкающие к южной стене, и южную угловую башню, вскрытую наполовину (рис. 4). Обнаружены два помещения (F1 и F2), стены которых сложены из пахсы и сырцового кирпича типичных античных размеров. Мощные завальные слои свидетельствуют о значительной высоте строения. Внутри помещений зафиксированы два строительных горизонта полов, выполненных из глины. В помещении F1 обнаружены два очага у южной стены и база колонны из песчаника в центральной части.

Угловая башня сложена из пахсы и кирпича; её диаметр составляет 7,75 м, высота сохранившейся части — 1,8 м, толщина стен — 1,5 м. В стенах зафиксированы бойницы: нижняя часть вырублена в пахсовом основании, верхняя — сложена из кирпича. Их функциональное назначение — оборонительное либо световое — остаётся дискуссионным. Вероятно, в месте примыкания башни к юго-западной стене комплекса существовал проход, однако из-за разрушенности кладки этот факт пока не может быть подтверждён.

Шурф, заложенный в районе башни, показал, что её основание покоится на песчаной подсыпке мощностью 60—70 см, перекрытой глиняным конструктивным полом, лежащим на материковой почве. Подсыпка, по-видимому, использовалась для выравнивания или поднятия строительного уровня. В помещениях обнаружено значительное количество хозяйственной керамики — донные части, венчики и стенки хумов, один из которых найден *in situ*, а также фрагменты кухонной и столовой посуды, типологически соотносимые с материалами II—III вв. н.э.

Особое внимание археологов уделено раскопкам объекта, расположенного в юго-западной части Верхнего города. В ранних исследованиях данный объект упоминается как «цитадель» (Ходжаниязов и др. 2018: 89). Его размеры составляют около 90 × 60 м (рис. 2). Первые раскопки здесь проведены в 2010 г. (раскоп 11.01). В результате этих работ исследован проход, расположенный в середине северо-восточной стены объекта; изучены конструкция стен, пандус и собран керамический материал, датируемый началом н.э. и раннесредневековым временем. Исследователи пришли к выводу, что городище не было заброшено в период поздней античности, а продолжало существовать и в раннесредневековую эпоху. Однако многие вопросы оставались открытыми (Ходжаниязов и др. 2018: 88—99).

В 2023—2024 гг. раскопки на этом объекте возобновлены. Раскоп 11.02 заложен в месте примыкания северо-восточной внешней (оградительной) стены объекта к северо-западной крепостной стене Верхнего города (Искандерова и др. 2024: 119—120). Длина северо-восточной внешней стены составляет около 90 м; юго-восточная, вероятно, скрыта под мощными слоями барханных песков. Следует отметить, что внешняя стена, по-видимому, выполняла оборонительную функцию, о чем свидетельствуют размеры, но следов бойниц не обнаружено. Сохранившаяся высота стены достигает 3,30 м, ширина у основания — 2,80 м.

В ходе раскопок внутреннего пространства сооружения на основании стратиграфических наблюдений установлено, что данная стена возведена на слоях завала (005), связанных с разрушением крепостной стены Верхнего города и построек античного времени (рис. 6, 7). Основание данной стены обнаружено на отметке -3,90 м от репера. Внутри объекта вскрыто помещение (помещение 1) размерами 5,50 × 4,50 м (рис. 5), пристроенное к внешней стене, стены помещения были найдены на отметке -2,84 м. Помещение почти квадратное в плане; вход располагался в северо-западной стене, в месте примыкания к внешней стене, и имел порог высотой в два ряда кирпичей (рис. 5, 6). Основание стены помещения 1 зафиксировано на отметке -3,73 м.

Стены помещения сложены из кирпичей размерами 33 × 30 × 8 см, содержащих многочисленные белые включения (возможно, гипса). В слоях разрушения (002), перекрывающих помещение, зафиксировано значительное количество золы и гипса.

Особенно насыщенные зольные прослойки наблюдались непосредственно над полом обживания, что свидетельствует о гибели постройки в результате пожара. При этом внешняя стена, вероятно, не подверглась сильным разрушениям, на что указывает отсутствие мощных завальных слоев (рис. 6). Разрушение стен помещения происходило постепенно под воздействием атмосферных осадков, в результате чего образовались натёчные слои суглинка и супеси (002—004).

Вдоль внутреннего периметра стен помещения выявлена Г-образная конструкция из сырцовых кирпичей, уложенных на глиняный пол (рис. 5). В южном углу помещения обнаружена квадратная конструкция размерами 1,20 × 1,10 м, также сложенная из сырцового кирпича. Можно предположить, что обе конструкции служили в качестве суфы.

На отметке -3,68 м зафиксирован керамический очаг, примыкавший к внешней стене объекта; его сохранность неудовлетворительная. На уровне пола найдены фрагменты керамических сосудов и мукомольных инструментов — жерновов и зернотёрок (рис. 5А). У юго-восточной стены находился квадратный обработанный камень размерами 35 × 35 × 10 см с ровными гранями. Здесь же обнаружены развалы столовой и хозяйственной керамики (рис. 8: 9—24). Вблизи очага найдены фрагменты лепных кухонных горшков, сильно корродированная медная монета, круглое медное изделие с центральным отверстием и фрагмент костяного кочедыга.

К юго-восточной стене, вероятно, примыкало ещё одно помещение или пристройка, полностью не раскрытая раскопками. На данном участке обнаружен фрагмент ножки алебастрового оссуария; аналогичный экземпляр был зафиксирован ранее (Ходжаниязов и др. 2018: 97). В качестве аналогии раннесредневековому строительному этапу Акшахан-кала можно привести период раннесредневекового освоения городища Ток-кала, где также прослеживается возведение оградительной стены и сооружение помещений, пристроенных вдоль неё (Гудкова 1964: 42—47).

В слоях завалов (005), на которых возведены стены раннесредневековой постройки, частично вскрыты четыре помещения античного времени. Их стены сложены из кирпича размерами 42×40×10 см. Стены античного периода были выявлены на отметке -4,23 м от репера. Их сохранность неудовлетворительная: кладка сохранилась на высоту нескольких рядов. Ширина стен составляет 0,8—0,9 м. Определить полные размеры помещений не удалось (рис. 5). Полы были вымощены керамическими плитками различной формы — квадратной и прямоугольной (рис. 5А, Б). Аналогичные плитки выявлены в раскопах 10 и 7 (Искандерова и др. 2023; Торениязов 2021; 2022: 104—120).

Следует отметить, что в помещениях 3 и 4 плиточное покрытие пола отсутствует, вероятно, плитки были изъяты после оставления строений. Под плитками зафиксирована кирпичная конструкция на песчаной подсыпке, мощность которой пока не определена, возможно это платформа, но пока утверждать трудно (рис. 6, 7). Помещения оказались почти пустыми: конструктивных элементов, позволяющих определить их функциональное назначение, не выявлено; находки немногочисленны и представлены фрагментами венчиков сосудов (рис. 8, 1—4), датируемых рубежом эр. Возможно, помещения 3 и 4 были разграблены, что подтверждается беспорядочным разбросом фрагментов и отсутствием целых плит. В помещениях 1 и 2 керамическое покрытие сохранило свое первоначальное положение.

Обсуждение

Основным материалом, позволяющим определить хронологические рамки исследованных сооружений, является керамика. Несмотря на то, что при изучении подъёмного сооружения в предвратном лабиринте юго-восточных ворот и крепостной стены были зафиксированы преимущественно лишь фрагменты стен, анализ керамического комплекса из вышеуказанных объектов дал возможность провести детальную хронологическую интерпретацию выявленных комплексов.

В ходе работ на территории Церемониального комплекса обнаружено значительное количество фрагментов хозяйственной керамики, главным образом стенок тулова сосудов. Выявлено, что они принадлежат восьми крупным хумам, вкопанным в грунт, донные части которых сохранились *in situ* в помещениях. По технологическим признакам состава формовочной массы, обработке поверхности и качеству обжига данные сосуды представляют собой образцы, характерные для I—II вв. н.э. К этому же периоду относятся и сосуды столовой принадлежности, происходящие из помещений F1 и F2 (рис. 8: 7—8).

В объекте «цитадель» в слоях завала (слои 006, 007), образовавшихся в результате обрушения стен помещений, вымощенных керамическими плитками (рис. 6, 7), были обнаружены фрагменты хозяйственной и столовой керамики (рис. 8: 1—4). Они происходят в основном из помещений 1 и 2 и по технологическим и морфологическим признакам относятся к рубежу эр (Воробьева 1959: 148). В слоях 004 (рис. 7) были встречены фрагменты хозяйственной керамики античного времени (рис. 8: 5—6), которые по аналогиям датируются II—I вв. до н.э. (Воробьева 1959: 148). Эти отложения представляют собой завалы крепостной стены Верхнего города. Таким образом, можно утверждать, что сооружения крепостных стен раннего строительного периода можно отнести к концу III — началу II в. до н.э.

Керамический материал из более поздних слоёв объекта «цитадель» (слой 004) (рис. 6) и с уровня пола помещения 1 представлен разнообразными формами хозяйственной, столовой и кухонной керамики (рис. 8: 9—24). К западу от помещения, в завале, были найдены два сосуда — хум и донная часть кувшина; первый был вкопан в пол. По технологическим и морфологическим признакам, а также по аналогиям, все эти сосуды датируются VII—VIII вв. н.э.

Особый интерес представляет хорошо сохранившийся хум, изготовленный из формовочной массы с примесью гипса и дресвы. Высота сосуда составляет 86,0 см, диаметр венчика — 40,0 см, тулова — 55,0 см, дна — 42,0 см. Венчик массивный, отогнут наружу и состоит из двух валиков: верхнего – широкого и тяжёлого, и нижнего — более узкого, несколько отстоящего от первого. На венчике и плечиках заметен графический декор в виде волнистых линий, характерный для орнаментальной группы позднеантичного времени (рис. 8: 9). Сходные по форме и орнаменту сосуды происходят из памятников Беркуткалинского оазиса и датируются VII—VIII вв. н.э. (Неразик 1959: 238—239, рис. 3).

В том же комплексе встречены фрагменты кухонной посуды, в том числе горшок с отогнутым наружу устьем и простой, невыделенной линией венчика. Ручка прикреплена к венчику и тулову; диаметр устья — 12,0 см, тулова — 15,0 см, высота — 14,0 см (рис. 8: 14). Формовочная масса содержит включения гипса и дресвы, а следы копоти на поверхности указывают на использование сосуда для приготовления пищи. Рядом найден фрагмент крышки, фрагментарность которой не позволяет реконструировать её форму и размеры (рис. 8: 18). Аналогичные сосуды известны в комплексах VII—VIII вв. (Неразик 1959).

Не менее примечательной находкой является целый светильник, поверхность которого также покрыта следами копоти. Он имеет неглубокий резервуар и короткий слив (рис. 8: 24); диаметр — 7,5 см, высота — 2,5 см. Данное изделие относится к категории керамики специального назначения.

На уровне пола помещения 1 зафиксированы фрагменты как лепных, так и изготовленных на гончарном круге сосудов, часть которых была реставрирована, что позволило восстановить их первоначальные формы. По функциональному назначению керамический комплекс делится на две группы: столовую и кухонную, не считая крупных хозяйственных сосудов.

Кувшины, изготовленные на гончарном круге, отличаются яйцевидным туловом и пластинчатой ручкой, прикреплённой нижним концом к плечику, а верхним к венчику. Венчик выделен профилировкой и имеет подтреугольный профиль в сечении. Высота крупного кувшина составляет 44,0 см, диаметр венчика — 12,0 см, тулова — 30,0 см, донца — 15,0 см

(рис. 8: 13). Малый кувшин имеет высоту 23,5 см, диаметр устья — 9,0 см, тулова — 19,0 см, дна — 11,5 см (рис. 8: 17). На плечике отмечен слабовыраженный валик. Сходные формы известны на синхронных памятниках региона (Неразик 1959: 243, рис. 6: 1—2). Узкогорлый кувшин с шаровидным туловом украшен прочерченными горизонтальными линиями, венчик не сохранился (рис. 8: 24). Аналогичные изделия встречены в материалах Беркуткалинского оазиса и датируются VI—VIII вв. (Неразик 1959: 243, рис. 6: 4).

Кроме того, выявлены фрагменты лепных кувшинов небольших размеров, с яйцевидным туловом и диаметром устья 6–11 см (рис. 8: 15, 21, 22). Среди них выделяется целый экземпляр высотой 11,0 см, с диаметром устья 6,0 см, тулова — 9,5 см, дна — 5,5 см (рис. 8: 15).

Чаши представлены преимущественно сферическими формами, расширяющимися от донца к устью. Диаметр устья составляет 14—16 см, венчик отогнут наружу и профилирован в виде полочки со скошенной внутрь площадкой; донца в основном плоские (рис. 8: 19—20). Особый интерес представляет чаша с загнутым внутрь устьем (рис. 8: 11), имеющая приземистые пропорции: диаметр венчика — 8,5 см, тулова — 10,5 см, дна — 4,7 см, высота — 5,0 см. Венчик не выделен профилировкой, на плечиках нанесены три небольших налепа. Сосуд изготовлен на гончарном круге, ангобное покрытие не сохранилось.

К кухонной группе относятся фрагменты лепных сосудов с обильным включением дресвы и шамота, с огнеупорными добавками. Один экземпляр позволил частично реконструировать форму: диаметр устья — 9,0 см; сбоку к плечику прикреплена небольшая круглая ручка (рис. 8: 16). Венчик не выделен, отогнут наружу, на внешней поверхности заметны следы нагара.

Таким образом, керамический комплекс, происходящий из поздних слоёв и с уровня пола помещения 1, по совокупности технологических, морфологических и типологических признаков может быть уверенно датирован VII—VIII вв. н.э.

Результаты

В ходе археологических исследований, проведённых в пределах предвратного лабиринта юго-восточных ворот городища Акшахан-кала, было выявлено существование входного пандуса, по своим конструктивным особенностям и размерам созвучного выходному пандусу, обнаруженному в ходе раскопок 2018—2019 гг. Наличие подобных элементов входной архитектуры находит параллели в памятниках Древнего Хорезма в Кой-Крылган-кале (Лапиров-Скобло 1967: 300—301, рис. 125—126), Топрак-кале (Толстов 1958: 195), Кызыл-кале (Ходжаниязов 1986: 54, рис. 1), в замке Барактам (Орлов 1952: 140, рис. 4) и ряде других объектов. На всех этих памятниках пандусы выступали важнейшими элементами архитектурного ансамбля, обеспечивавшими организованный подъём и спуск, а также регулировавшими движение в пределах фортификационных комплексов. Однако на Акшахан-кале отмечено присутствие как входного, так и выходного пандусов, что представляется уникальным явлением для древнехорезмийской архитектурной традиции. Данное решение, направленное на функциональное соединение элементов разной высоты, отражает высокий уровень инженерной продуманности и художественно-эстетического восприятия пространства.

Исследования крепостных стен Верхнего города и внутреннего пространства Нижнего города раскрыли единую систему фортификационной организации, построенную по чётким конструктивным принципам. Здесь были зафиксированы ров, барьерная стена, кирпичная выкладка, основная крепостная стена и внутренний коридор. При этом отсутствие следов капитальных построек на территории Нижнего города позволяет предположить, что данная зона не предназначалась для плотной застройки и, вероятно, служила буферным пространством между внутренней и внешней линиями укреплений.

Работы, проведённые к югу от церемониального комплекса, дополняют общую картину градостроительной структуры Акшахан-калы. Здесь обнаружены помещения хозяйственного назначения, расположенные на тщательно подготовленном основании: стены построек покоятся на мощной песчаной подсыпке. Подобный приём характерен для монументальных сооружений и указывает на продуманную инженерную подготовку территории, что, в свою очередь, отражает высокий уровень строительной культуры эпохи.

Особое внимание заслуживают результаты исследований объекта, который в ранних публикациях условно обозначался как «цитадель». В пределах этого объекта прослеживаются два строительных горизонта, относящихся к античному и раннесредневековому периодам. Данное распределение определяется стратиграфическими особенностями, используемыми строительными материалами и керамическими находками, зафиксированными в соответствующих слоях. Судя по данным раскопок 2023—2024 гг., сооружение, расположенное в юго-западной части Верхнего города, представляло собой укреплённый комплекс раннесредневекового времени. Планировочная структура объекта с помещениями, пристроенными к его внешней стене, свидетельствует о поэтапном развитии архитектурной системы и, вероятно, отражает изменение функционального назначения античного ансамбля в более поздний период.

Не менее интересным остаётся вопрос о назначении античных помещений, вымощенных керамическими плитками, и массивной кирпичной конструкции, обнаруженной под ними. Можно предположить, что данная конструкция представляла собой платформу античного времени. С учётом планировочных особенностей и стратиграфического положения с определённой долей осторожности можно предположить, что выявленные античные помещения занимали значимое место в структуре городища Акшахан-кала в античный период. Вместе с тем окончательные выводы о характере и функциональном назначении античных и раннесредневековых построек, обнаруженных в ходе раскопок, представляются возможными лишь после проведения дальнейших исследований и сопоставления стратиграфических данных с материалами из прилегающих участков памятника.

Заключение

Проведённые археологические исследования фортификации Верхнего города позволили существенно расширить наши представления о его архитектурном облике, строительной технике и этапах градостроительного развития. Полученные данные уточняют ранее известные сведения и показывают новые стороны оборонительной системы древнего городища. В результате раскопок установлено, что юго-восточные ворота имели сложную конструкцию с входным и выходным пандусами, выполненными по единому инженерному принципу. Это указывает на высокий уровень фортификационной мысли строителей и рациональный подход к организации обороны и движения внутри города.

Юго-западная часть крепостных стен также оказалась показательной. Здесь сохраняются аналогичные конструктивные приёмы и дополнительные элементы укрепления, что свидетельствует о единстве архитектурных традиций и системности в строительстве оборонительных сооружений, характерных для древнехорезмийских крепостей.

В районе Церемониального комплекса выявлены пристройки хозяйственного назначения, датируемые керамикой I—III вв. н.э. Это указывает на функциональное разнообразие комплекса, где сакральные и административные здания соседствовали с хозяйственными объектами. Примечательно, что первоначально возведённые вокруг комплекса обводные стены в более позднее время были переоборудованы в помещения, что позволяет дополнить ранее существовавшие представления. Особое значение имеют стены и помещения раннесредневекового времени, подтверждающие повторное заселение и восстановление Верхнего города спустя несколько столетий. По результатам

археологических исследований установлено, что некоторые античные городища были повторно обжиты и заселены в раннесредневековый период, аналогичная картина прослежена и на городище Акшахан-кала. При возведении новых укреплений использовались сохранившиеся фрагменты античных крепостных стен, что говорит о преемственности строительных традиций и рациональном подходе древних мастеров, стремившихся максимально использовать имеющиеся ресурсы.

Все эти данные позволяют проследить постепенное развитие фортификационной архитектуры региона. Малые укреплённые замки, усадебные комплексы и дворцовые сооружения раннесредневекового Хорезма демонстрируют адаптацию старых городских структур к новым историческим условиям. Верхний город демонстрирует последовательные этапы возрождения и развития в различные исторические периоды. Если в античное время городище характеризовалось активным и относительно равномерным заселением, то в раннесредневековый период интенсивное освоение фиксируется преимущественно в его юго-западной части. Об этом свидетельствует наличие здесь строительных конструкций раннесредневекового времени при одновременном отсутствии археологических материалов данного периода в других частях памятника. Таким образом, результаты раскопок расширяют наши знания о фортификационной системе и архитектуре Верхнего города, а также вносят вклад в изучение истории заселения, строительных традиций и культурной преемственности в древнем и раннесредневековом Хорезме. Полученные материалы открывают новые возможности для комплексных исследований и позволяют по-новому осмыслить роль этого памятника в историческом и культурном развитии региона.

Литература

Андрианов Б.В. 1969. *Древние оросительные системы Приаралья*. Москва: Наука.

Воробьева М.Г. 1959. Керамика Хорезма античного периода. В: Толстов С.П. (отв. ред.). *Керамика Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Т. IV. Москва: Наука, 63—220.

Гудкова А.В. 1964. *Ток-кала*. Ташкент: «Наука» УзССР.

Димо и др. 1913: Димо Н.А., Никитин В.В., Ножин Л.Л. 1913. *Почвенные исследования в бассейне реки Аму-Дарьи* «Краткий отчет о работах 1912 и 1913 гг. отдела земельных улучшений». Москва: «Печатная С.П. Яковлева».

Искандерова и др. 2023: Искандерова А.Д., Беттс А., Минарди М., Торениязов А.Ж., Бекбаулиев А.Т., Ходжалепесов И.М. 2023. Раскопки городища Акшахан-кала в 2022 году. В: Саидов М.М. (отв. ред.). *Археологические исследования в Узбекистане: 2022 год*. Вып. 15, 90—94.

Искандерова и др. 2024: Искандерова А.Д., Торениязов А.Ж., Бекбаулиев А.Т., Ходжалепесов И.М., Мамедов А.Г. 2024. Раскопки на городище Акшахан-кала в 2023 году. В: Саидов М.М. (отв. ред.). *Археологические исследования в Узбекистане: 2023 год*. Вып. 16, 117—120.

Лапиров-Скобло М.С. 1967. Реконструкция памятника. В: Толстов С.П., Вайнберг Б.И. (отв. ред.). *Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Т. V. Москва: Наука, 265—310.

Неразик Е.Е. 1959. Керамика Хорезма Афригидского периода. В: Толстов С.П. (отв. ред.). *Керамика Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Т. IV. Москва: Наука, 221—260.

Орлов М.А. 1952. Барактам (Новые памятники позднеантичной архитектуры северо-восточного Хорезма). В: Толстов С.П. (отв. ред.). *Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции в 1945—1948 гг. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Т. I. Москва: АН СССР, 135—153.

Толстов С.П. 1958. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. В: Толстов С.П. (отв. ред.). *Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Т. II. Москва: АН СССР, 7—259.

Торениязов А.Ж. 2018. Кубуры с городища Акшахан-кала. *Вестник Международного института Центральноазиатских исследований* 28, 41—65.

Торениязов А.Ж. 2021. Строительная керамика городища Акшахан-кала. *Поволжская археология* 4 (38), 22—34.

Торениязов А.Ж. 2022. Керамические плитки с городища Акшахан-кала. *Археология Узбекистана* 1 (26)*, 104—120*.

Ходжаниязов Г.Х. 1986. Кызыл-кала (работы 1981—1982 гг.). В: Камалов С.К., Ягодин В.Н. (отв. ред.). *Археология Приаралья* III, 51—65.

Ходжаниязов Г.Х. 1995. К изучению античных памятников Ташкырманского оазиса. В: А. Аскаров (отв. ред.). *Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии*. Тезисы докладов международной конференции (г. Самарканд, октябрь 1995 г.). Самарканд: Институт археологии имени Я. Гулямова, 11.

Ходжаниязов и др. 2001: Ходжаниязов Г.Х., Ягодин В.Н., Хелмс С.У., Макларен Б.П. 2001. Раскопки на Акшахан кале. В: Ширинов Т.Ш. (отв. ред.). *Археологические исследования в Узбекистане—2000 год*. Самарканд: Институт археологии имени Я. Гулямова, 175—181.

Хожаниязов Г.Х. 2013. Фортификация городища Акшахан-кала. В: Ягодин В.Н. (отв. ред.). *Приаралье на перекрестке культур*. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 109—128.

Хожаниязов и др. 2018: Хожаниязов Г.Х., Беттс А., Искандерова А.Д. 2018. К вопросу о некоторых аспектах в изучении городища Акшахан-кала. *Вестник Каракалпакского отделения АН РУз* 1, 88—89.

Хожаниязов и др. 2022: Хожаниязов Г.Х., Беттс А., Искандерова А.Д., Торениязов А.Ж., Бекбаулиев А.Т., Ходжалепесов И.М. 2022. О результатах исследований на городище Акшахан-кала (по материалам полевого сезона 2018—2019 гг.). *Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы)* 2 (16), 94—110.

Ягодин и др. 1996: Ягодин В.Н., Хелмс С.У., Ходжаниязов Г. 1996. О работах Ташкырманской международной экспедиции 1995 года. *Вестник Каракалпакского отделения АН РУз* 3, 101—107.

Minardi M., Khozhaniyazov G. 2015. The Central Monument of Akchakhan-kala: Fire Temple, Image Shrine or Neither? Report on the 2014 Field Season. *Bulletin of the Asia Institute* 25, 121—146.

Helms et al. 2001: Helms S.W., Yagodin V.N., Betts A.V.G., Khozhaniyazov G., Kidd F. 2001. Five seasons of excavations in the Tash-K'irman oasis of ancient Chorasmia, 1996–2000. An interim report. *Iran* 39, 129—130.

References

Andrianov, B.V. 1969. *Drevnie orositelnye sistemy Priaraliya (Ancient irrigation systems of the Aral Sea region)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Vorobieva, M.G. 1959. In: Tolstov, S.P. (ed.). *Keramika Khorezma antichnogo perioda. Keramika Khorezma. Trudy Horezmskoy arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Ceramics of Khorezm of the Ancient period. Ceramics of Khorezm. Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition)*. Vol. IV. Moscow: Nauka, 63—220 (in Russian).

Gudkova, A.V. 1964. *Tok-kala*. Tashkent: Nauka (in Russian).

Dimo et. al. 1913: Dimo, N.A., Nikitin, V.V., Nozhin, L.L. 1913. *Pochvennyye issledovaniya v basseyne reki Amudarii (Soil studies in the Amudarya River basin). A brief report on the work of the Department of Land Improvements in 1912 and 1913*. Moscow: S.P. Yakovlev Printing House (in Russian).

Iskanderova et. al. 2023: Iskanderova, A.D., Betts, A., Minardi, M., Toreniyazov, A.J., Bekbauliyev, A.T., Khodjalepesov, I.M. 2023. In *Arheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane: 2022 god. (Archaeological research in Uzbekistan: 2022)* 15, 90—94 (in Russian).

Iskanderova et. al. 2024: Iskanderova, A.D., Toreniyazov, A.J., Bekbauliyev, A.T., Khodjalepesov, I.M., Mamedov, A.G. 2024. In *Arheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane: 2023 god. (Archaeological research in Uzbekistan: 2023)* 16, 117—120 (in Russian).

Lapirov-Skoblo, M.S. 1967. In: Tolstov, S.P., Weinberg, B.I. (eds.). *Koi-krylgan-kala — pamyatnik kultury drevnego Horezma IV v. do n.e. — IV v. n.e. Trudy Horezmskoy arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Koikrylgan-kala — a cultural monument of ancient Khorezm of the 4th century BCE — 4th century CE. Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition)*. Vol. V. Moscow: Nauka, 265—310 (in Russian).

Nerazik, E.E. 1959. In: Tolstov, S.P. (ed.). *Keramika Khorezma Afrigidskogo perioda. Keramika Khorezma. Trudy Horezmskoy arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. (Ceramics of Khorezm of the Afrigid period. Ceramics of Khorezm Ceramics of Khorezm. Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition)*. Vol. IV. Moscow: Nauka, 265—310 (in Russian).

Orlov, M.A. 1952. In: Tolstov, S.P. (ed.). *Arheologicheskie i etnograficheskie raboty Horezmskoy ekspeditsii v 1945—1948. Trudy Horezmskoy arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Archaeological*

and ethnographic works of the Khorezm expedition in 1945—1948. Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition). Vol. I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 135—153 (in Russian).

Tolstov, S.P. 1958. In: Tolstov, S.P. (ed.). *Arheologicheskie i etnograficheskie raboty Horezmskoy ekspeditsii AN SSSR v 1949—1953 gg. Trudy Horezmskoy arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii (Archaeological and Ethnographic works of the Khorezm Expedition of the USSR Academy of Sciences in 1949—1953. Proceedings of the Khorezm archaeological and ethnographic expedition)*. Vol. II. Moscow: USSR Academy of Sciences, 7—259 (in Russian).

Toreniyazov, A.Zh. 2018. In *Vestnik Mezhdunarodnogo Instituta Tsentralnoaziatskikh issledovaniy (Bulletin of International Institute for Central Asian Studies)* 28, 41—65 (in Russian).

Toreniyazov, A.Zh. 2021. In *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 38 (4), 22—34 (in Russian).

Toreniyazov, A.Zh. 2022. In *Arkheologiya Uzbekistana (Uzbekistan Archaeology)* 1 (26), 104—120 (in Russian).

Khodzhaniyazov, G.Kh. 1986. In: Kamalov, S.K., Yagodin, V.N. (eds.). *Arkheologiya Priaral'ya (Archaeology of the Aral Sea region)* III, 51—65 (in Russian).

Khodzhaniyazov, G.Kh. 1995. In: Askarov, A. (ed.). *K izucheniyu antichnykh pamyatnikov Tashkyrmanskogo oazisa. Genezis i puti razvitiya protsessov urbanizatsii Tsentralnoy Azii (On the study of ancient monuments of the Tashkyrman oasis. Genesis and ways of development of urbanization processes in Central Asia)*. Samarkand: Gulyamov Institute of Archaeology, 11 (in Russian).

Khodzhaniyazov et. al. 2001: Khodzhaniyazov, G.Kh., Yagodin, V.N., Helms, S.W., Maklaren, B.P. 2001. In: Shirinov, T.Sh. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane—2000 god (Archaeological research in Uzbekistan—2000)*. Samarkand: Gulyamov Institute of Archaeology, 175—181 (in Russian).

Khozhaniyazov, G.Kh. 2013. In: Yagodin, V.N. (ed.). *Fortifikatsiya gorodishcha Akshakhan-kala. Priaral'ye na perekrestke kultur (Fortification of the Akshakhan-Kala settlement. The Aral Sea region at the crossroads of cultures)*. Samarkand-Tashkent: IICAS, 109—134 (in Russian).

Khodzhaniyazov et. al. 2018: Khodzhaniyazov, G. Kh., Betts, A., Iskanderova, A. D. 2018. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan (Bulletin of the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan)* 1, 88—99 (in Russian).

Khozhaniyazov et. al. 2022: Khozhaniyazov, G.Kh., Betts, A., Iskanderova, A.D., Toreniyazov, A.J., Bekbauliyev, A.T., Khozhalepesov, I.M. 2022. In *Kazakstan arheologiasy (Kazakhstan Archeology)* 2 (16), 94—110 (in Russian).

Yagodin et. al. 1996: Yagodin, V.N., Helms, S.W., Hodjaniyazov, G.H. 1996. In *Vestnik Karakalpakskogo otdeleniya Akademii Nauk Respubliki Uzbekistan (Bulletin of the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan)* 3, 101—107 (in Russian).

Minardi, M., Khozhaniyazov, G.Kh. 2015. In *Bulletin of the Asia Institute* 25, 121—146.

Helms et. al. 2001: Helms, S.W., Yagodin, V.N., Betts, A.V.G., Khozhaniyazov, G.Kh., Kidd, F. 2001. In *Iran*. 39, 129—130.

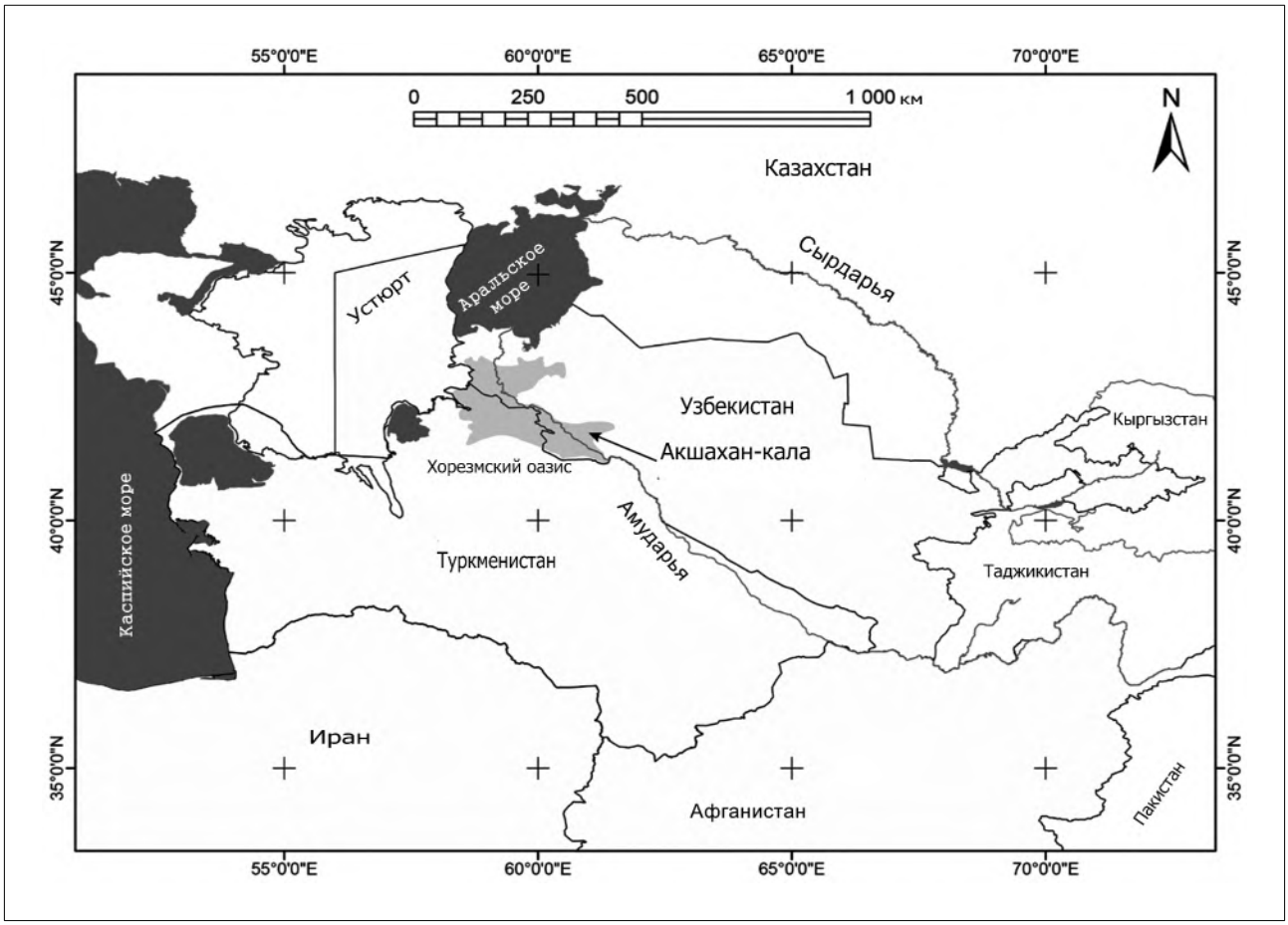

Рис. 1. Карта расположения памятника (по Беттс и др. 2012).

Fig. 1. Map showing the location of the site (after Betts et al. 2012).

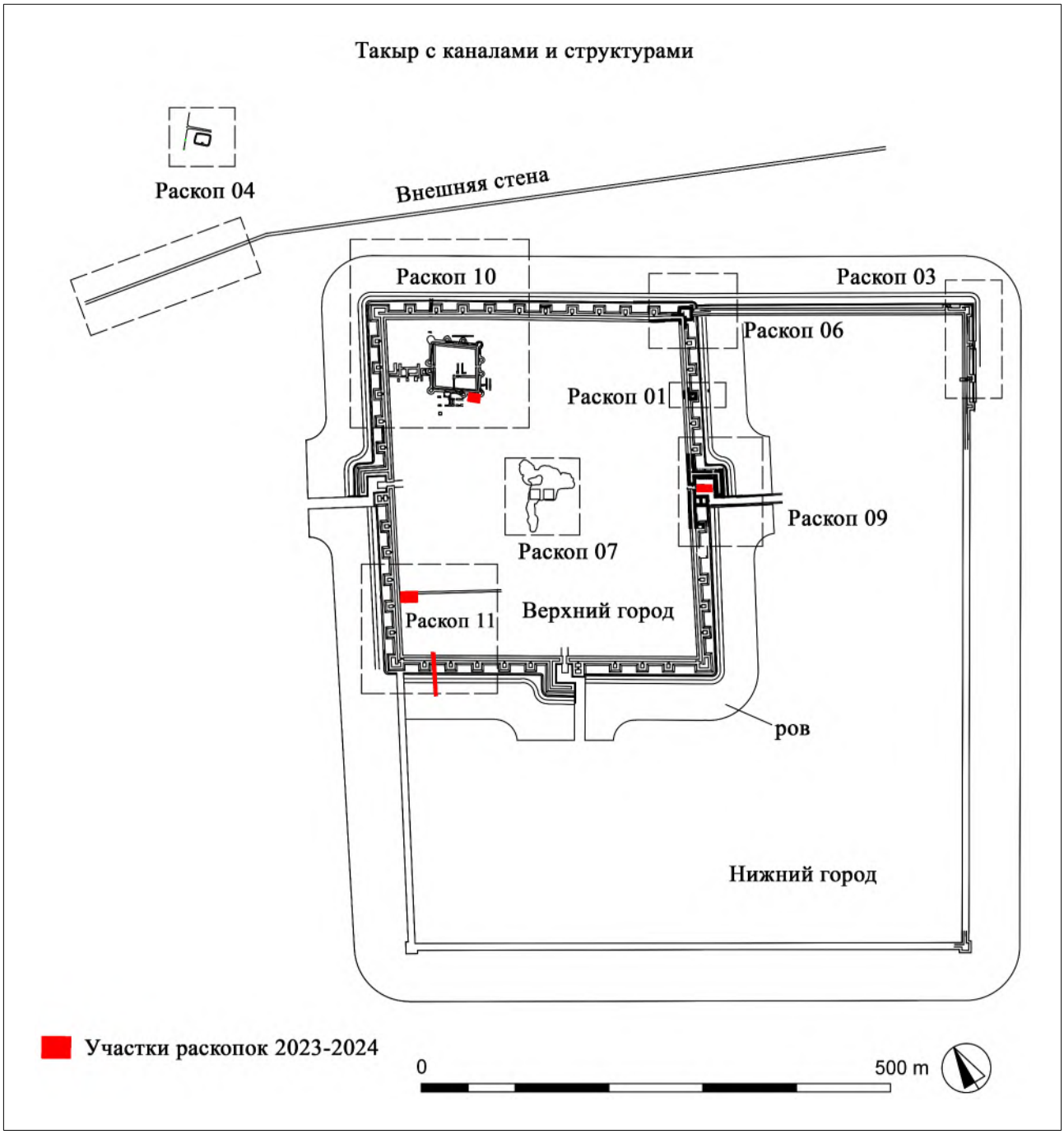

Рис. 2. Акшахан-кала. Генплан (КААЭ).

Fig. 2. Akchakhan-kala. General plan (KAAE).

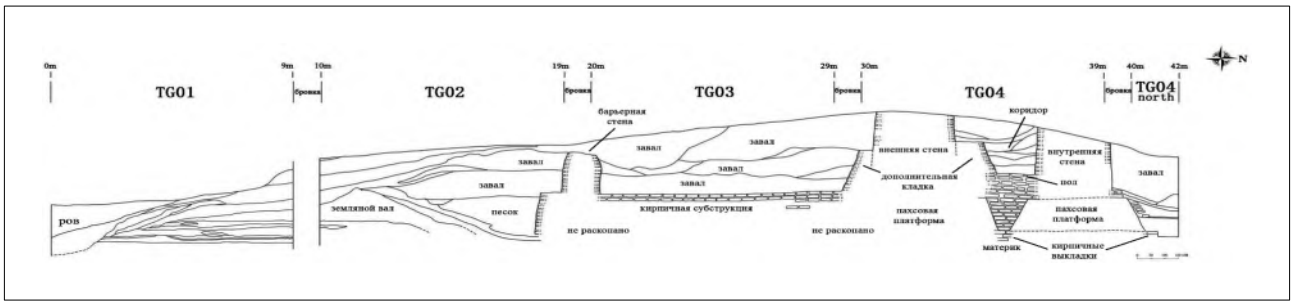

Рис. 3. Акшахан-кала. Раскоп 12. Разрез.

Fig. 3. Akchakhan-kala. Excavation 12. Section.

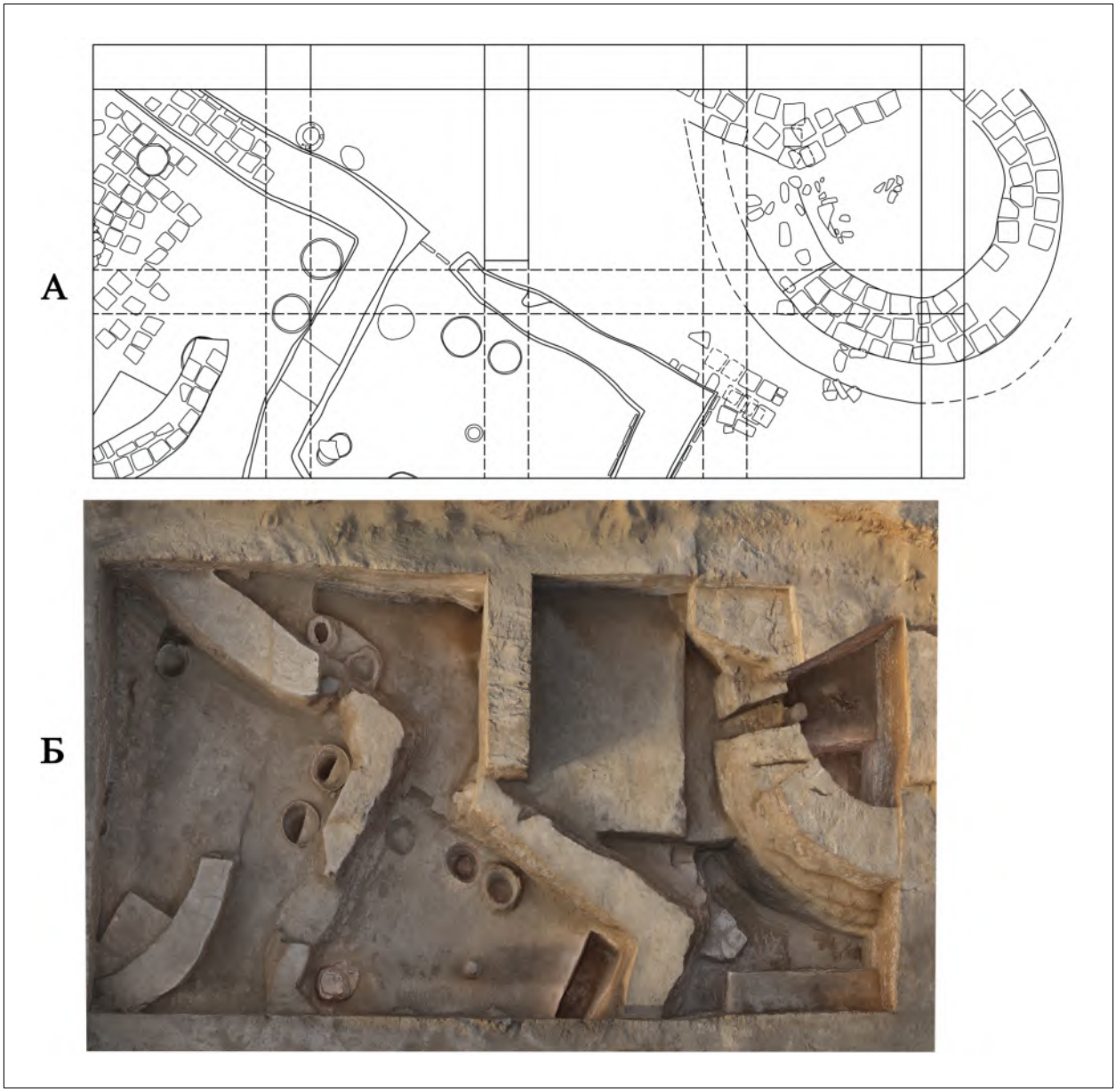

Рис. 4. Акшахан-кала. Раскоп 10. План.

Fig. 4. Akchakhan-kala. Excavation 10. Plan.

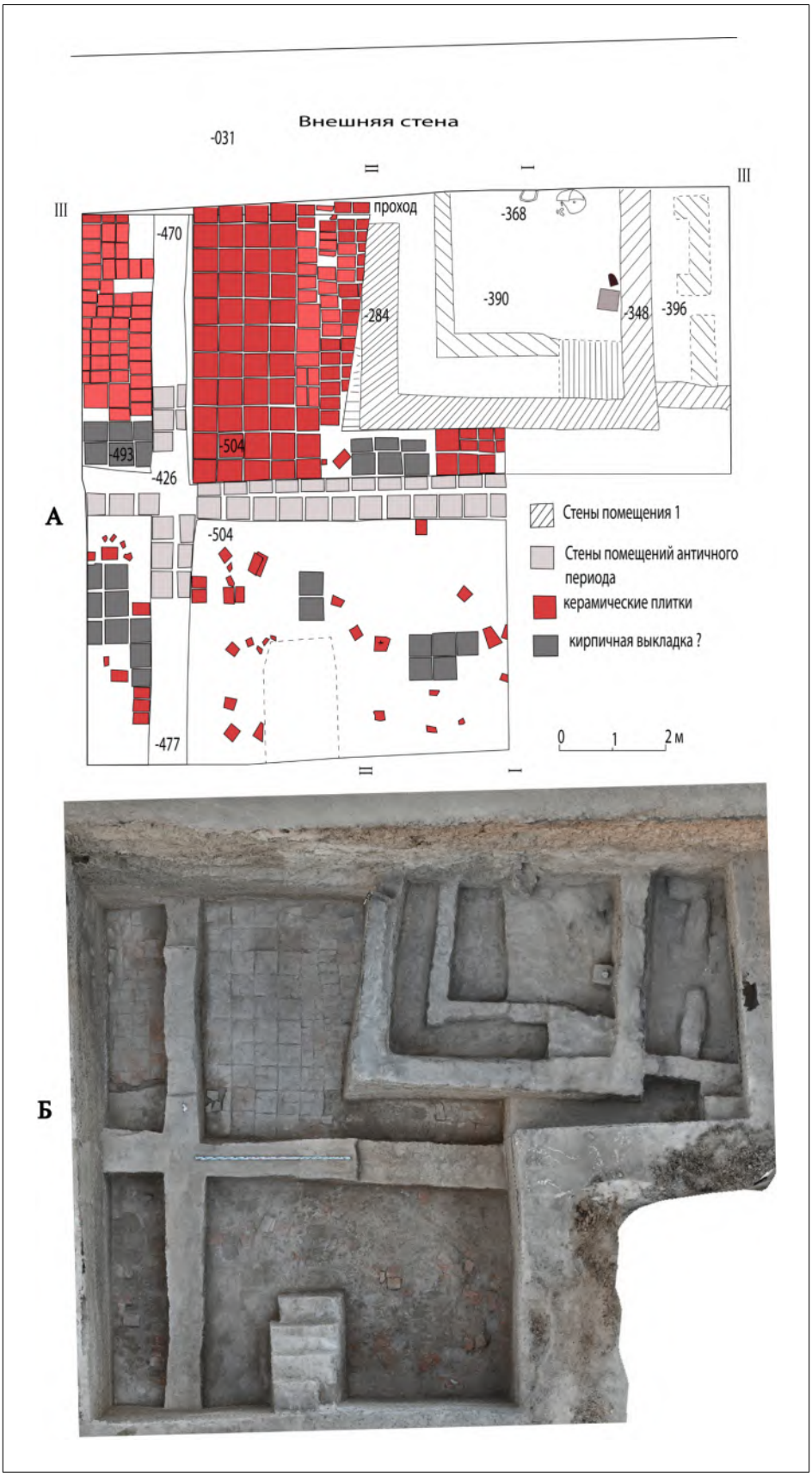

Рис. 5. Акшахан-кала. Раскоп 11. План.

Fig. 5. Akchakhan-kala. Excavation 11. Plan.

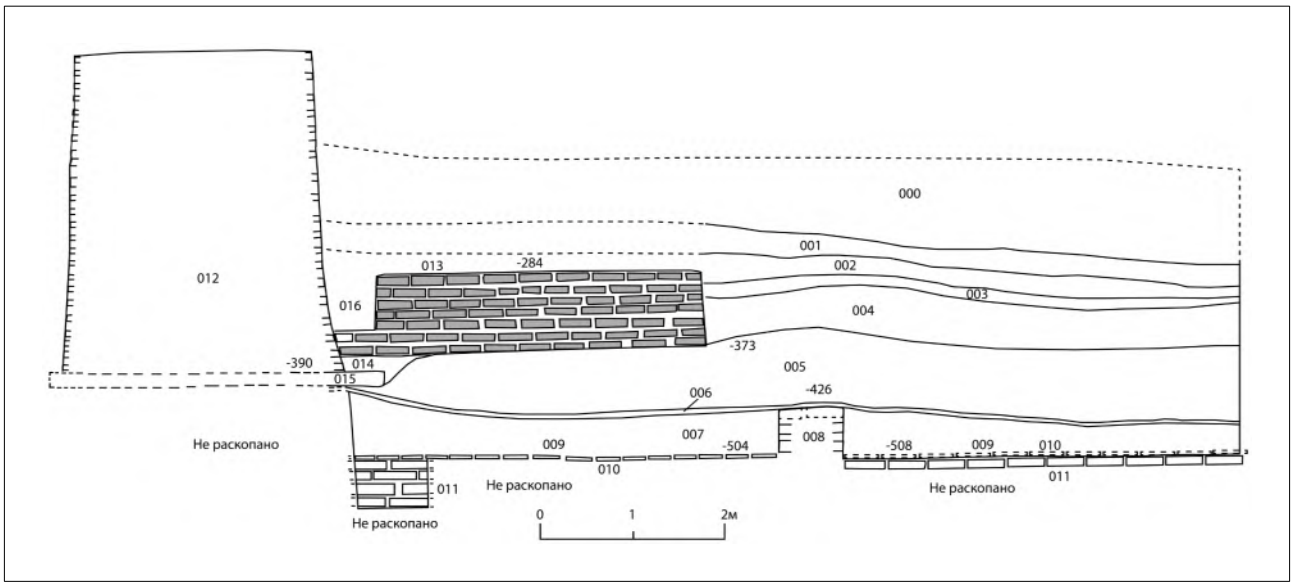

Рис. 6. Акшахан-кала. Раскоп 11. Разрез раскопа по линии север—юг.

Fig. 6. Akchakhan-kala. Excavation 11. North—south section.

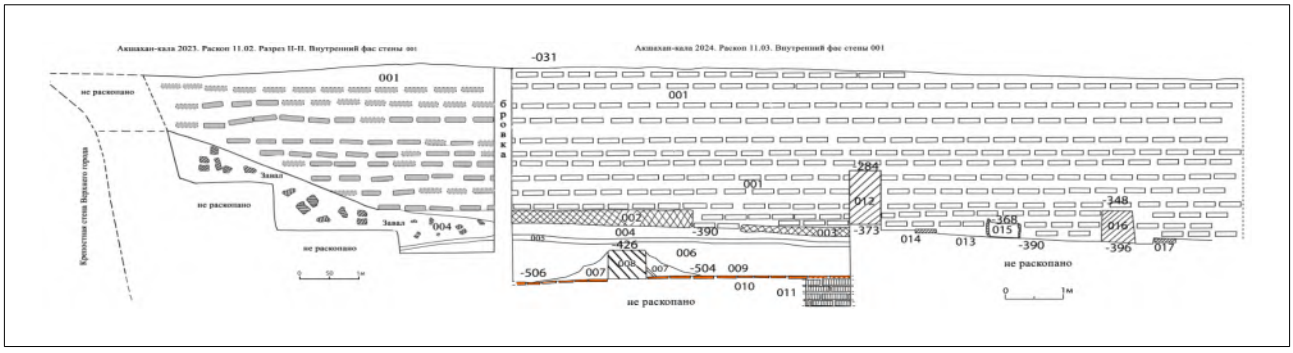

Рис. 7. Акшахан-кала. Раскоп 11. Разрез фасада оборонительной стены «цитадели».

Fig. 7. Akshakhan-Kala. Akchakhan-kala. Excavation 11. Section through the defensive wall of the “citadel”.

Рис. 8. Акшахан-кала. Раскоп 11. Керамика.

Fig. 8. Akchakhan-kala. Excavation 11. Ceramics.